

СВѢДѢНІЕ

О ЖИЗНИ КАЛЛИСТА КАТАФИГИОТА.

Около 1360 г. по Р. Х.

Кто былъ, гдѣ была родина и гдѣ провелъ отшельническую жизнь преподобнѣишій отецъ нашъ Каллистъ, называемый также Катафигіотомъ (получившій, можетъ быть, это названіе отъ какой-нибудь церкви Богородицы, такъ называемой убѣжищемъ—*Καταφυγή*), ничего этого мы не знаемъ изъ исторіи. Но насколько можно удостовѣриться изъ настоящихъ главъ его, онъ былъ мужъ въ высшей степени просвѣщенный (*φιλοβοφάτατος*) какъ внѣшнимъ такъ и внутреннимъ образованіемъ (*τὴν ἑβω παιδείαν*) и въ особенности весьма выдающійся по высотѣ созерцаній, по глубинѣ, обширности и широтѣ ума сравнительно съ другими (современниками). Ибо при содѣйствіи благодати блаженный простирался къ премірному сокровенному Единому Троичной Пресущественности (*ὑπερουσιότης*) и, благодаря преизбытку чистоты, онъ, отрѣшившись сразу отъ всего, такъ вознесся къ созерцанію Бога, къ непосредственному единенію (съ Нимъ) и умственному (*νοεράν*) молчанію и невѣдѣнію, превосходящему всякое невѣдѣніе (*ὑπεράνωστον ἀγνώσιαν*), что поистинѣ казался на землѣ тѣмъ же ангеломъ и богомъ по благодати. Нѣкоторые правда утверждали, будто онъ Каллистъ Ксанѳопуль, занимавшій патріаршій престолъ въ Константинополѣ, написавшій другое сочиненіе также въ сто главъ, и при этомъ они приводятъ два доказательства. Именно, они говорятъ, что послѣднее сочиненіе заключаетъ въ себѣ разсужденіе главнымъ образомъ

о дѣятельной жизни, а первое объ одномъ только созерцаніи и созерцательной жизни. А такъ какъ дѣятельность и созерцаніе соединены другъ съ другомъ, то естественно, по ихъ мнѣнію, одинъ долженъ былъ и разсуждать объ этихъ предметахъ. А сверхъ того и потому, что изъ послѣдняго сочиненія внесено въ это много такого, что относится къ устремленію и воспріятію ума, единенію съ Богомъ, къ дѣятельности и просвѣщенію сердца. Другіе же утверждаютъ, что этотъ не одно и то же лицо съ тѣмъ, на основаніи разницы въ словесномъ выраженіи того и другого. Мы же убѣждены, что слѣдуетъ скорѣе согласиться съ первыми, нисколько не смущаясь переменой характера рѣчи (*ἐναλλαγή*). Ибо возможно и очень легко, что просвѣщенные люди приспособляютъ соотвѣтственнымъ образомъ и словесное выраженіе къ предметамъ рѣчи и излагаютъ смиреннымъ образомъ низкое, высокимъ и велерѣчивымъ—возвышенное. Но прискорбно дѣйствительно то, что, повидимому, изъ ста приблизительно главъ, и притомъ насколько мы знаемъ, самыхъ высокихъ изъ всѣхъ сочиненій, разсуждавшихъ когда-либо о созерцательной жизни, и самыхъ совершенныхъ по мыслямъ, по возвышенности выраженія и вообще по краснорѣчію и особенно по выводамъ силлогизмовъ, уцѣлѣли однѣ только настоящія въ подлинникѣ, дошедшемъ до нашихъ рукъ.

Переводъ сдѣланъ по Аѳинскому изданію Добротолубія — *Φιλοκαλία τῶν Ἱεροῶν Νηπτικῶν..... Ἐκδιδομένη ὑπὸ Παπαυσιῶπου Ἀθ. Τζελάτη. Ἐν Ἀθήναις 1893*. Два тома. Сочиненіе Каллиста помѣщено во второмъ томѣ. См. также *Migne Patrologiae cursus completus. series gr. t. 147*.

**УЦѢЛѢВШІЯ ГЛАВЫ КАЛЛИСТА КАТАФИГИОТА, ОБДУМАН-
НЫЯ И ВЕСЬМА ВЫСОКІЯ О БОЖЕСТВЕННОМЪ ЕДИНЕНІИ
И СОЗЕРЦАТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ.**

1. Всякое живое существо изъ всего того, что рождается, въ силу лучшей своей прирожденной дѣятельности въ одинаковой степени пользуется и покоемъ и удовольствіемъ, въ этомъ находитъ наслажденіе и потому стремится къ нему. Такимъ образомъ и человѣкъ, имѣя умъ и, естественно, размышленіе о жизни, ощущаетъ наибольшее наслажденіе и дѣйствительный покой тогда, когда онъ помышляетъ относительно себя о лучшемъ (состояніи), хочетъ ли кто-нибудь назвать его благомъ или добротою. Это состояніе бываетъ дѣйствительно у того, кто, имѣя Бога въ умѣ, помышляетъ о свойствахъ Его, какъ Существа дѣйствительно Верховнаго, мыслимаго превыше ума, любящаго человека безконечно и выше разума и уготовляющаго высокіе дары и непостижимыя блага и красоты своимъ созданіямъ и притомъ главнымъ образомъ въ вѣчности.

2. Если всякое рожденіе уподобляетъ рожденное родящему, какъ сказалъ Господь, что „рожденное отъ плоти, плоть есть: и рожденное отъ Духа, духъ есть“¹⁾; если же родившійся отъ Духа есть духъ,—то очевидно, что таковой будетъ и богъ по родившему Духу, такъ какъ Духъ есть и истинный Богъ, отъ Котораго по благодати родился причастникъ Духа. Если же Богъ таковъ, то Онъ можетъ быть ясно созерцаемъ по подобію. Ибо отъ созерцанія Богъ и наименованъ Бо-

¹⁾ Іоан. 3, 6.

гомъ ¹⁾). Такъ что не созерцающій, слѣдовательно, или еще не достигъ духовнаго рожденія и причастія (Духа Божія), или же, достигнувъ его, смежаетъ, по невѣдѣнію, зрительную силу свою, невѣжественнымъ образомъ отвращается отъ божественныхъ мысленныхъ лучей, сіяющихъ вокругъ умнаго Солнца Правды и, ставши участникомъ созерпательной силы, къ несчастію, лишается ея дѣйствія, хотя бы и устремлялся горѣ къ святости.

3. Все существующее получило отъ Создателя своего по слову (Его) свое собственное движеніе и естественное свойство, откуда послѣдовательнымъ образомъ произошелъ и умъ. Но движеніе ума заключаетъ въ себѣ (нѣчто) постоянное (*το αἰν*). Постоянное же безконечно и безпредѣльно. Слѣдовательно, движеніе конечное или ограниченное противно будетъ собственному назначенію ума и сущности его природы, а это будетъ съ нимъ въ томъ случаѣ, если движеніе свое онъ направитъ на предметы конечные и ограниченные. Ибо не возможно, чтобы предметъ былъ конеченъ и ограниченъ, а движеніе ума къ нему, или вокругъ него простиралось въ безконечное. Слѣдовательно, приснодвижность ума требуетъ дѣйствительно чего-то безконечнаго и неограниченнаго, къ чему бы она направлялась разумно и сообразно своей природѣ. Но, дѣйствительно, нѣтъ ничего безконечнаго и истинно-безпредѣльнаго, кромѣ Бога, по природѣ и сущности единого. Слѣдовательно, къ единому истинно-безконечному, т. е. къ Богу, и долженъ умъ устремляться, взирать и двигаться: ибо это дѣйствительно прирождено ему.

4. Безконечно и безгранично созерцаемое о Богѣ, но и этимъ однако не можетъ вполне наслаждаться умъ, пища Виновника своего бытія. Ибо, такъ какъ каждое (существо) естественно находитъ удовлетвореніе въ подобномъ себѣ, то умъ, будучи единъ по природѣ, хотя и представляетъ изъ себя многое по мыслямъ,

¹⁾ *θεός* гр. Каллистъ производитъ отъ *θεάωμαι*.

устремляясь и какъ бы двигаясь къ Богу, единому по существу, но многому по дѣятельности, не можетъ найти полное удовлетвореніе прежде, нежели онъ станетъ пребывать духомъ въ одномъ естественно безпредѣльномъ, какъ бы перешедши отъ многого. Слѣдовательно, умъ можетъ находить полное удовлетвореніе естественно въ одномъ только Богѣ. Но, конечно, изъ существъ каждое наиболѣе удовлетворяется природнымъ свойствомъ. Слѣдовательно, для ума является даже наиболѣе естественнымъ свойствомъ двигаться, стремиться, пребывать и всецѣло находить радость въ одномъ только Богѣ, просто и безпредѣльно единомъ.

5. Всякое движеніе какой бы то ни было твари и, конечно, и самаго ума имѣетъ въ виду и дѣйствительно усиленно стремится къ неподвижному (*στάσις*) и спокойному состоянію; переходъ въ стояніе (*στάσις*) и покой въ себѣ есть конечная цѣль и равнымъ образомъ успокоеніе (*ἀνάπαυσις*) для твари. Но, конечно, умъ, какъ одно изъ созданій, будучи въ движеніи, не можетъ достигнуть неподвижнаго и спокойнаго состоянія среди тварей. Ибо, такъ какъ все созданное, какъ начавшееся, получаетъ соответственнымъ образомъ конецъ, то приснодвижность, присущая уму, должна была бы прекратиться (*ἀπολειφθεῖν*) и слѣдовательно, умъ (въ такомъ случаѣ) долженъ былъ бы искать мѣста, гдѣ бы ему двигаться, и вовсе не былъ бы въ состояніи спокойствія или возможности достигнуть свойственной ему конечной цѣли; или же умъ не будетъ обладать приснодвижностью сообразно со своимъ назначеніемъ, если будетъ объять вещами ограниченными и конечными. А это далеко отъ природы ума, очевидно всегда подвижной. Итакъ, невѣроятно, чтобы умъ обрѣлъ спокойствіе или остановился тогда именно, когда онъ бываетъ среди тварей. Такъ гдѣ же умъ можетъ воспользоваться своимъ собственнымъ свойствомъ, именно останавливаться среди движенія и такимъ образомъ пребывать въ спокойствіи и мирѣ и

непоколебимо воспринять чувство отдохновенія, если онъ не достигнетъ несозданнаго и неограниченнаго? Это же—есть Богъ, истинно и премірно единый. Итакъ Его единого и неограниченнаго долженъ посредствомъ движенія достигать умъ, какъ бы нашедшій свое естественное спокойствіе, разумѣтся, въ мысленномъ покоѣ. Ибо тамъ стояніе духомъ и гостепріимное отдохновеніе, безконечный предѣлъ всего, и движеніе, сосредичиваясь на Томъ единомъ, не прекращается никакимъ образомъ ни для какого ума, достигшаго безпредѣльнаго, безконечнаго, неограниченнаго, безвиднаго, безобразнаго, совершенно простого: ибо таковъ, названный единымъ, т. е. Богъ.

6. Если Богъ, по Давиду, творитъ ангелами Своими духовъ ¹⁾ и тѣхъ изъ людей, кого рождаетъ Духъ, дѣлаетъ духомъ ²⁾, какъ сказалъ Господь, то тѣмъ же ангеломъ бываетъ, слѣдовательно, человѣкъ родившійся отъ духа явнымъ причастіемъ его. Но свойство ангеловъ непрестанно видѣть лице Отца нашего небеснаго ³⁾, какъ и это сказалъ Господь; слѣдовательно и явный причастникъ Св. Духа долженъ какъ (и) приличествуетъ, устремляясь горѣ, созерцать лице Божіе. Поэтому, конечно, и Давидъ учитъ, говоря „взыщите Господа, и утвердитесь: взыщите лица Его выну“ ⁴⁾. Слѣдовательно, не соблюдаетъ приличествующаго и подобающаго тотъ, кто ставши причастникомъ Святого животворящаго, просвѣтительнаго и любветворнаго Духа, и испытавъ несказанное рожденіе отъ Духа, возвысившись до достоинства ангела, затѣмъ безъ достаточной причины изъ-за излишней опасливости ограничиваетъ свое умное чувство къ Богу и внушаетъ ему нежеланіе простираться къ Богу и божественному, хотя и Спаситель повелѣваетъ пребывать въ Немъ, такъ какъ и Онъ самъ пребываетъ въ насъ, и Давидъ говоритъ: „приступите къ Нему и просвѣтитесь“ ⁵⁾. И дѣйстви-

¹⁾ Псал. 103, 4. ²⁾ Іоан. 3, 6. ³⁾ Мато. 18, 10.

⁴⁾ Пс. 104, 4. ⁵⁾ Пс. 33, 6.

тельно, если бы мы намѣревались дѣлать должное и подобающее, то во Свѣтѣ Бога Отца, — я говорю о Святомъ Духѣ—мы увидимъ свѣтъ Божій, т. е. божественную истину, если мы какъ-нибудь по невѣдѣнію не откажемся отъ обращенія къ божественнымъ лучамъ.

7. Тремя способами восходитъ умъ къ созерцанію Бога: самодвижно, инодвижно и среднимъ между этими (способами). Самодвижный способъ совершается только природою ума по собственному желанію при помощи воображенія; предѣломъ его бываетъ созерцаніе вещей божественныхъ. Объ этомъ нѣкоторымъ образомъ мечтали и сыны Эллады. Второй способъ — сверхъестественный, происходящій отъ хотѣнія и просвѣщенія только одного Бога; поэтому (умъ) въ такомъ случаѣ находится всецѣло подъ божественнымъ вліяніемъ и восхищается до божественныхъ откровеній, и вкушаетъ неизреченныя тайны Божіи, и видитъ исходы будущаго. Средній же—между этими—способъ отчасти соприкасается съ обоими. Именно тамъ, гдѣ дѣйствіе совершается по собственному желанію и воображенію, онъ является согласнымъ съ самодвижнымъ; съ инодвижнымъ же онъ имѣетъ общее постольку, поскольку (умъ) соединяется съ самимъ собою при божественномъ освѣщеніи и неизрѣченно видитъ Бога за предѣлами своего собственного духовнаго единенія. Ибо тогда умъ становится внѣ всѣхъ божественныхъ вещей, видимыхъ и сказываемыхъ, не видя ни благодатіи или обоженія, ни мудрости или силотворной державы или промысла или чего бы то ни было изъ божественныхъ (явленій), всего болѣе наполняясь духовнымъ свѣтомъ, а также и радостію, производимою божественнымъ огнемъ, растворяемымъ любовію.

8. Умъ, пользуясь собственнымъ воображеніемъ для созерцанія невидимаго, руководится вѣрою; осіяваемый же благодатію, онъ утверждаетъ надеждою; восхищаемый же божественнымъ свѣтомъ, онъ становится сокровищницею любви человѣческой, а гораздо болѣе Божіей. Такимъ образомъ тройной строй ума

и движеніе въ вѣрѣ, надеждѣ и любви становится совершеннымъ и боготворнымъ, твердымъ и непреклоннымъ. И, достигая этой широты вышнеградія, какъ можно выразиться, онъ утверждается въ крѣпости любви. Отсюда вытекаетъ то, что говорится у Павла: „любы вся любить, вся терпитъ“ за благо вѣры и надежды; „любы“, говоритъ онъ, „николиже отпадаетъ“¹⁾, вслѣдствіе пламеннаго единенія и неизрѣченнаго соприкосновенія ея съ Богомъ.

9. Ни въ чемъ созданномъ не выдѣлено единое. То, что одно отъ другого различается нѣкоторымъ образомъ своего природнаго свойства, — этого нельзя не знать; а какъ они созданы, въ этомъ одно отъ другого не отличается ни въ началѣ ни въ концѣ своего бытія, какъ потому, что оно ограничено естествомъ, такъ и потому, что не есть истинно простое единое. Ибо только одно есть въ дѣйствительности несозданное, какъ простое, какъ не имѣющее ни начала, ни конца и безграничное, и поэтому безконечное, а это именно есть Богъ. Взирая на Него при участіи и содѣйствіи животворящаго Духа, умъ, объединенный и упрощенный, будучи въ боготворномъ устроеніи, все время получаетъ приличествующее ему возрастаніе; и при этомъ онъ очень ясно понимаетъ, что помимо единого и безъ взиранія къ нему въ духѣ, невозможно уму быть лучше. Это потому, что умъ разсѣялся уступивъ многочастному міру и страстямъ и, сообразно съ этимъ, нуждается въ премірной силѣ и, слѣдовательно, въ сверхъестественномъ единомъ для взиранія, чтобы такимъ образомъ отвлеченный отъ частныхъ, онъ сталъ внѣ страстей и раздѣленія и чтобы такъ онъ могъ достигнуть боговиднаго. Поэтому-то и Господь творитъ моленіе къ Отцу, чтобы мы, вѣрные, были едино во Отцѣ и въ самомъ Сынѣ Духомъ и такимъ образомъ единое, какъ Они сами суть единое (не въ плохопонятномъ смыслѣ, конечно, какъ называлъ единое

¹⁾ 1 Кор. 13, 7—8.

Савеллій), чтобы мы были, какъ и слѣдуетъ, усовершенены, и благодатию объединяющаго Духа и единовиднымъ созерцаніемъ въ единомъ Богѣ. Вотъ въ этомъ для насъ, очевидно, дѣйствительно преспѣяніе на лучшее и это—конецъ и истинный и единственный покой. Поэтому завистливая и человѣконенавистная демонская дружина, расточившая умъ на почитаніе многихъ боговъ, къ сожалѣнію, разсѣяла единство ума на заблужденіе и не допустила его имѣть представленіе объ единомъ премірномъ, для того, чтобы, заставивъ умъ, вопреки его природѣ сосредоточиваться на служеніи, возрѣніи и раздѣленіи на многіе (предметы поклоненія), выставить его склоннымъ ко всевозможнымъ страстямъ и лжи, вмѣсто истины и добродѣтели. Поэтому-то Духъ Святый завѣщаетъ чрезъ пророка, говоря: „приступите къ Нему“, т. е. Единому, „и просвѣтитесь“ ¹⁾ и еще въ другомъ мѣстѣ: „Азъ Богъ первый и Азъ по сихъ, и кромѣ Мене нѣсть иного Бога“ ²⁾, и опять: „Слыши. Израиль, Господь Богъ твой—Господь единъ“ ³⁾. Ибо Тріипостасность Единого Божества не раздѣляетъ единого Господства, но и Три суть дѣйствительно точно Лица, и, съ другой стороны, нисколько не менѣе Они едино существомъ и силою, хотѣніемъ и дѣйствіемъ и прочими существенными благами. Итакъ, служить единству Божию и взирать и, по силѣ, собираться къ нему отъ многаго—есть воля Божія, и преспѣяніе ума, какъ открытіе истины и божественной любви, и, слѣдовательно, плодъ обоженія.

10. Если ложь многочастна, а истина есть единое, то, слѣдовательно, умъ, простирающийся въ Духъ къ единому премірному, превосходящему все, къ источнику (этого) многаго (*τὸ ἐξ οὗ τὰ πολλὰ*) простирается къ самой истинѣ. Однако же умъ не можетъ стать свободнымъ отъ страстей, если истина не освободитъ его ⁴⁾. Слѣдовательно, умъ становится свободнымъ отъ

¹⁾ Пс. 33, 6. ²⁾ Псалм 41, 4; 44, 6. ³⁾ Второз. 6, ст. 4.

⁴⁾ Іоан. 8, ст. 32.

страстей, склоняясь и простираясь единственнымъ образомъ къ единому премірному. Уму для безстрастія, боговиднаго устроенія и духовнаго сыноположенія болѣе всего приличествуетъ свобода, а никакъ не рабство, потому что „рабъ“ какъ говоритъ (слово Божіе) „не вѣсть, что творить Господь его“ ¹⁾. Если же невѣдѣніе свойственно рабу, то, очевидно, что получившій въ удѣлъ свободу знаетъ тайны Отца, и ему такимъ образомъ удалось взойти въ благое и прекрасное достоинство сыноположенія, ибо какъ незнаніе явно противоположно знанію, такъ, конечно, и положеніе раба явно противоположно сыновнему. И если незнающій есть рабъ, то знающій вовсе не рабъ, но свободный, или, такъ сказать, сынъ. Ибо и Духъ истины, дѣйствительно освобождающій, самъ сынополагаетъ Богу тѣхъ, въ кого Онъ вселится. Ибо, говоритъ Онъ, тѣ, которые водятся Духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи ²⁾. Если же взираніе на сверхсущественное единое можетъ быть свойствомъ истины, истина же доставляетъ свободу уму, а свобода есть ясный признакъ божественнаго сыноположенія, то нѣтъ никакого другого дара ни большаго, ни приличествующаго болѣе (разумной) природѣ, чѣмъ этотъ даръ сыноположенія. Слѣдовательно, было бы очень разумно и необходимо, чтобы, по мѣрѣ силъ, умъ духовносно простирался, взиралъ и собирался къ единому премірному, т. е. къ Богу.

11. „Господь Богъ твой, говоритъ Духъ Святой, Господь единъ есть“. Такова забота у Божества Духа возводитъ умъ къ единому премірному. И ужъ, конечно, нельзя сказать, что Духъ единое проповѣдуетъ, а обращеніе и возрѣніе ума (къ Нему)—отвергаетъ. Ибо, что Святой Духъ говоритъ, то хочетъ чтобы было и предметомъ мысли, а къ тому, что составляетъ содержаніе мышленія, — обращался и умъ. Ибо при отсутствіи обращенія ума къ предмету мысли и самое то, что онъ могъ бы помыслить, отсутствуетъ; и окажется

¹⁾ Иоан. 15, 15. ²⁾ Рим. 8, 14.